

ПРОЛОГ

«Вы Сегалья знаете? — вкрадчиво спрашивал Марк Аркадьевич новых обитателей восьмиместной больничной палаты и доверительным шепотом добавлял: — Мне кажется, я вас где-то видел. Может, у Сегалья?»

Вопрос был не таким уж простым, как казался на первый взгляд, и Марк Аркадьевич искренне радовался, что еще в опасные застойные годы нашел столь удачную формулировку. В случае положительной реакции собеседника или хотя бы некоторой его заинтересованности, дальнейшее развитие беседы выглядело как распутывание длинной цепочки еврейских имен и фамилий, которая рано или поздно приводила к общим знакомым, а то и родственникам. Найдя связующее звено, Марк Аркадьевич осмелевал и задавал тот сакраментальный вопрос, ради которого, собственно, и затевалась вся эта идентификационная кутерьма: «Ду бист аид?»¹ Он специально

---

¹ Ты еврей? (*Идиш.*)

выговаривал это чужое «Ду» вместо с детства привычного диалектного «Ды», чтобы высокомерные прибалтийские евреи не вычислили в нем чужака. Разный у них идиш и привычки с детства разные, даже фаршированную рыбу мамы иначе готовили, ну да на чужой сторонушке рад своей воронушке. Положительный ответ Марк считал большой удачей, сулившей продолжение более свойской беседы в больничном парке.

В палате Марк был старожилом, уже полтора месяца маялся от безделья, прикрывшись каким-то хитрым диагнозом, суть которого вроде понял, симптомы выучил, а вот название записал на смятой бумажке и держал под рукой — в кармане больничного халата. Разработкой диагноза и наблюдением за «больным» занималась лично главврач инфекционного отделения целой республиканской больницы.

— Скажи спасибо, что моя Инга инфекционным заведует, а не гинекологическим, — ржал его многолетний подельник Алик, снаряжая Марка на больничный отдых, честно заслуженный незаконным промыслом. — Не санаторий, конечно, но ведь и не тюрьма, — продолжал он. Дабы сильнее подколоть приятеля, он растопыривал пальцы урковским веером и, преувеличенно косолапя, прохаживался по гостиной Марка, напевая что-то блатное. Марк, тихо матерясь, собирал тапочки-бритву-пару книг.

— Да сплюнь три раза, много ты об этом знаешь, тоже мне, блатной нашелся. Присядь уже, не мелькай. Чай не в первый раз, выкрутимся.

Да и времена уже не те, чтоб честных коммерсантов за профит брать, — урезонивал Марк Алика, скрывая за бравадой вполне оправданное беспокойство.

Они познакомились еще лет десять назад, на разбеге восьмидесятых годов, когда Алик был начальником цеха на рижской ювелирной фабрике, а Марк Аркадьевич заведовал комиссионкой. С самого начала так уж они удачно сработались, что и Марик был доволен, и у Алика кооперативная квартира за пару лет чудом завелась и на бóльшую разменялась, семья прирастала «жигулями» и всякими импортными радостями. Понятно, что не с докторской зарплаты Инги такое счастье валяло, и строгая врачиха мужа за находчивость уважала. К тому же взял ее в свое время Алик «с довеском», сыном-подростком, который еще в отрочестве изрядно попортил ему крови и до сих пор, уже взрослым, сидел на шее.

Светланка же была их общим с Ингой ребенком, чудом не абортированным в 1980-м, Мишуткой, как называл ее папа в честь символа московской Олимпиады. Найдя себя в интересном положении накануне повышения в завотделе-ния, Инга и думать не собиралась о продолжении беременности. Сама все решила, с мамашей по телефону пошуршала и о запланированном аборте рассказала буднично, как будто зуб собиралась вырвать. Тогда же Алик узнал, что и аборт этот от него не первый, и что «с его кобелиной натурой только давай, а потом чистись», и что дело, в общем-то, житейское, просто в этот

раз срок побольше, поэтому придется несколько дней в больнице провести. Унижался он тогда перед женой не один вечер, упрашивал оставить ребенка. На коленях стоял впервые в жизни и плакал перед женщиной впервые, но она была непреклонна и доводы были самые разные от «не вовремя сейчас», до «успеется еще», через «должность упушу; и так квартира маленькая; с животом буду как раз к зиме — ни в дубленку, ни в пальто не влезу».

Последний такой разговор Алик запомнил на всю жизнь, потому что именно тот день считал Светочкиным днем рождения. Слушая бред жены про аборт, он, с одной стороны, укрепился во мнении, что бежать надо из этого дурдома, от этой самовлюбленной тетки и ее сыночка-трутня, из квартиры, в которой даже комнатные растения не выживают. С другой стороны, умом сорокалетнего мужчины давно и сознательно выхотевшего ребенка, он жалел нерожденный плод своих чресл, и сама возможность убийства этого беззащитного создания казалась ему вопиющим злом.

Его детство прошло среди сирот, в семье, все ветви которой были отрублены войной. Рождение ребенка тогда ощущалось однозначно — ну вот, будем жить. А соседский дед, когда рождался малыш, всегда говорил молодым родителям: «Слава богу, радость-то какая! А трудностей не бойтесь, Всевышний всегда нам дите со своей ложкой посылает, прокормитесь!» Если же младенец рождался у своих, у евреев, он со слезами в глазах добавлял: «Ам Исраэль хай!», то бишь

«Жив народ Израиля!» Вот это «Ам Исраэль хай» так кольнуло в тот вечер Аликово сердце, что, выпрямившись и ударив ладонью по столу, он твердо сказал: «Оставишь ребенка — все для вас сделаю. Не оставишь — развожусь!», а что иллюзий относительно его намерений не осталось — в красках описал супруге, как именно будет поделена их двушка. За сим хлопнул дверь и поехал на вокзал — ночевать.

Разумеется, на оставленное им поле боя тотчас же была вызвана теща, и тройка (жена, теща, пасынок) решала судьбу бессловесного человеческого зародыша. Позвонив днем на работу Алику, Инга прокурорским тоном сообщила о том, что ребенка оставит, но в должность войдет, работать будет до последнего, нанять не станет вообще, и вся ответственность за этого ребенка на нем.

С того дня Алик и закрутил все свои гешефты — вспомнил, кому в свое время был нужен, да отказал, кто из полезных людей где рулит, кто ему может пригодиться, перетряхнул записную книжку раз пять и, разорвав последнюю страницу на закладки, вложил клочки на правильные странички. Сначала он хотел соответственные имена жирно подчеркнуть карандашом и даже по старой школярской привычке карандаш наслюнявил, но впервые подумал о том, что не все его будущие действия уложатся в пухлые рамки УК СССР, а в случае чего такие пометки в книжице могут дорого обойтись ему и людям.

На букву К значился телефон Марка Аркадьевича, «к» было в скобках — «комиссионка».

Как-то на толкучке возле Шмерли их свел общий знакомый, потом у другого знакомого пересеклись в Юрмале на шашлыках, потом в Саулкрасты в компании вместе сидели в баньке. Тот Алику пробные шары уже тогда закатывал, мол, не заваялось ли каких цацек на продажу, не упало ли чего драгметаллического с конвейера вверенного цеха? Марк показался Алику жуковатым, что, впрочем, для торгаша естественно, но, в общем, мужиком приятным. Дельный, с чувством юмора, чем-то с ним похожий — возрастом, детством и даже внешностью, кареглазый брюнет, с отчетливо наметившимся брюшком. Правда, в отличие от коренастого Алика, Марк был худощав и довольно бледен — такая особенность кожи. Они позже как-то в Сочи вместе отдыхали, и от природы смуглый Алик за неделю стал шоколадным, а Марик лишь сгорел, как вареный краб, облез и таким ошпаренным вернулся, только зря солнечную энергию перевел.

Из всех знакомых коммиссионщиков Алик выбрал Марка за хорошую репутацию — никогда не забывая о себе, с партнеров три шкуры Марк не драл, не обманывал и слыл человеком слова. Останавливало только то, что болтун Марик изрядный, как бы где чего лишнего не ляпнул. Но, крепко подумав, Алик пришел к выводу, что, трепясь много и не по делу, действительно серьезных вещей Марк никому не доверял. За жизнь поговорить, анекдотик свеженький, зачастую сальноватый, хохмочки всякие — это да, песенки стройотрядовских времен — пожалуйста,

словом — душа компании. Но если в тех же компаниях кто-то из людей, давно с Марком знакомых, поверял ему душевную тайну — могила, тайну Марк хранил свято. Он, может, и рассказал бы что дома на кухне, жене, однако таковой у него не было.

Алика это удивляло — мужик вроде видный, но на пирушки Марк всегда являлся без спутницы и, несмотря на бойкость застольниц, уходил тоже один. Впрочем, на собственной шкуре Алик понял, что брак это ярмо, которое стоит тянуть, если совсем уж иначе не можешь, и втайне завидовал Марику — здоровье есть, деньги тоже, бабы любят, чего еще надо?

«Чего еще надо», Алик вспоминал, лишь целуя Светланкину макушку. Это был их утренний ритуал, покуситься на который они бы не позволили никому, да никто и не посягал — Инга, как и грозилась, дочку не нянчила, а от Алика после ее рождения совсем отдалилась. После вторых родов у нее что-то там по женской линии не заладилось, а в сорок два года и вовсе «возрастное» началось, о чем она гордо сообщила мужу, посоветовав свои кобелиные проблемы решать без ее участия. Алик не сильно расстраивался — Светланка давала ему столько любви, нежности и восхищения, что о большем он и не мечтал, ну а по интимному вопросу на родном заводе помогальщицы всегда находились.

С утра, причесывая Свету, он непременно увенчивал ее мышинные хвостики красными шелковыми ленточками — красный любила дочка,

а ничего проще шелка не позволил бы своей принцессе папа. Дальше следовал традиционный поцелуй в макушку, и вот уже девчонский топот оглушал лестничные марши просторной центральной парадной, вызывая недовольный собачий лай в районе первого этажа.

В центр они перебрались через год после Светкиного рожденья. Сперва двушка в микрорайонном Кенгарагсе чудесным образом превратилась в двушку на центральной Красноармейской, потом приумножилась и стала солидной трех-с-половиной-комнатной квартирой на respectable Вейденбаума. Фасадный дом, парадный вход, третий этаж — все как у людей. А тогда, в зиму Ингиной беременности, к ее ногам была брошена песцовая шуба, австрийские сапоги в нарядной коробке, ювелирный гарнитур, французские духи и боны в валютный магазин. Точнее, к ногам Алик бросил только шубу — в фильме каком-то видел такой широкий жест и хотел задобрить жену, волком смотревшую на него после каждого приступа токсикоза.

Инга тогда не только не наклонилась к шубе, но даже не пошевелилась — стояла, гордо подняв голову, светловолосая, строгая — прямо снежная королева. Только бровь вопросительно подняла, а тут еще сыночек в коридор выглянул и, увидев эту сцену, презрительно хмыкнул. Алик шубу суетливо подобрал, жене на плечи накинул и с той поры дары ей нес не с радостью добытчика, а выполняя негласный договор, который заключил с ней, когда та соизволила оставить Светочку.

Инга подарки благосклонно принимала, а сама невероятно мучилась от сознания того, что все эти цацки — цена ее жизни с нелюбимым. Был в ее жизни мужчина, врач из их больницы, но он, как и она, был несвободен, а даже если б и развелся... Правильно Инге мать говорила: «На кой тот тебе сдался, алиментщик. Никогда он тебя, как твой, не обеспечит, а любовь любить можно потихоньку, никто и не заметит!»

Алик действительно не замечал и, наверное, страшно удивился бы, узнав, что у женщины, которую он считал фригидной, уже много лет есть любовник, с которым у той полное интимное взаимопонимание. Так или иначе, но в их семье повелось супружеским долгом считать достойное обеспечение всех материальных потребностей жены, и Алик старался делать это даже раньше, чем эти потребности возникали. Инга, в свою очередь, супружеский долг видела в нарядном семейном фасаде, а посему заботилась о своей внешности, ночевать приходила исправно и мужу своими душевными потребностями не докучала.

Со временем они друг друга приняли, притерлись, по бытовым вопросам друг друга понимали, особенно крепко не ссорились и жили без потрясений, как брат с сестрой. Инга в благодарность за обеспеченный быт сослала-таки Рапопорта-младшего со двора. Она познакомила мальчика с дочкой приятельницы, и все у молодых потихоньку налаживалось на отдельной территории.

Хозяйскими же обязанностями Инга по-прежнему манкировала, как и материнскими.

Особенной проблемой это не становилось, со Светланкой отец с удовольствием возился сам, а по разным кружкам ее водила репетитор — учительку из сороковой школы наняли, та в свободное от уроков время девочку патронировала. По дому шустро управлялась теща — в отсутствие хозяев она приносилась в центр (по версии Алика — на метле) и бодро шуршала по хозяйству: постирать, погладить, прибрать, вкусенькое на рынке купить, сготовить.

В готовке она ориентировалась именно на него, ну и на Светочку, в которой души не чаяла. Дочь же осуждала за бесхозяйственность, называя ленивой коровой, которая-де только хвостом вертеть умеет, а молока с нее что с козла. Когда в трудовом порыве теща перевыполняла план настолько, что вечером Алик находил на плите и холодильнике несъедаемые запасы, он приглашал на ужин кого-нибудь из приятелей.

Самым часто отзывающимся оказался Марик, и со временем он стал их постоянным гостем, помогающим, по его же выражению, «бороться с урожаем». Как человек одинокий, Марк был скор на подъем и падок на домашнюю пищу, поэтому охотно откликался на приглашения и приходил всегда интеллигентно, принося хозяйке цветы, хозяину коньяк, Светланке заморскую игрушку. Поначалу Инга пыталась заводить светскую беседу, но со временем эти потуги оставила, и, поужинав, Алик с Мариком прихватывали коньячок, сигареты, пепельницу и уединялись в той самой половинной, девичьей, комнате на неспешный мужской разговор.

Первые годы все их разговоры были сугубо деловыми, обсуждать гешефты на работе или по телефону было небезопасно, а дома, да в располагающей обстановке — самое то. Их с Маркаркадьичем старания после перестройки стали называться «предпринимательской деятельностью», а еще позже — зубастым словом «бизнес». Прежде же, в ранние восьмидесятые, за такой промысел светила нешуточная статья, и не в журнале «Форбс», с видом на океан, а в абсолютно уголовном кодексе, с видом на улицу Маза Матиса¹.

Советская власть бдительно охраняла свои драгметаллы и чужую валюту. Алик, на золоте собаку съевший, до начала гешефтов с Мариком валюты и не видел, разве что в виде тех самых чеков и бонов в закрытый магазин, которые Инге дарил. Марк же валюту уважал и фанатично коллекционировал, отдавая предпочтения долларам и дойчмаркам. Он копил на Израиль.

Еще до знакомства с Аликом, разобравшись во всех финансовых возможностях своей «конторки», Марк решил открывать новые горизонты. По его разумению, придуманная им комбинация была беспроигрышной — покупаешь в издательствах много-много вернувшихся неликвидов: газет, журналов и прочей периодики; на бумажной фабрике прихватываешь обрезки и прочие отходы, причем все это добро берешь практически за спасибо тамошнему начальнику,

---

¹ *Улица Маза Матиса, д. 3* — Центральная рижская тюрьма.

потом сдаешь на пункты приема макулатуры, да не абы как, а в огромных количествах и как частное лицо. На чеки, выданные приемщиками за проявленную гражданскую активность, приобретались редкие книги. Кому реализовывать книги, тоже было понятно — среди клиентов комиссионки встречались вполне интеллигентные граждане, скромно разбогатевшие умом на том, что тогда называлось экономическими преступлениями. Были и нувориши — фарцовщики и подпольные цеховики, без страха и совести варившие джинсу и выдававшие самопал за фирменный товар. И нуворишам, и интеллигентам нужны были книги, причем если с первыми было попроще — абы обложки по красивее, желательно бордовые с золотом, темно-зеленые тоже вполне солидно, словом, чтоб интерьер достойно украсили — не пустовать же полкам импортных «стенок», то у вторых душа требовала чего-нибудь эдакого, подчас трудно доставаемого или совсем запрещенного. Короче, идея Марку казалась беспрюирышной, да вот беда — не ему первому в голову пришла. Оказалось, что с макулатурно-книжных дел уже давно нагревалась вся придуманная им цепочка, включая приемщиков и завмагов букинистических магазинов. В общем, его, Марку, там не стояло.

Хотел было он сунуться во вторсырьевые гешефты, но и из этой хлебной норки высунулся большой шнобель и незлобно, но уверенно сказал «занято». Еще бы не было занято, рассуждал Марк, ведь по сравнению с тамошними варками

его скромные потуги казались мелким поскребыванием по сусекам. Было досадно, ведь там без шума и пыли работала похожая схема: тюки с шерстяными обрезками скупались по две копейки у производителей, сдавались по семь как бы от населения, разницу в пять копеек с каждого килограмма шнобель клал в карман, зарабатывая в месяц по двадцать врачебных зарплат.

Впрочем, инициативные врачи тоже не страдали — знакомый гинеколог «жигули» сделал на спиралях, бывших в те времена практически недоступным дефицитом. Оптометристы отоваривали советскую элиту импортными оправками, один «хамелеон» чего стоил! Зубные врачи и просто на золоте сидели. В общем, все крутилось и без Марка, а вот новое приятельство с Аликом сулило неплохие дивиденды. Систему они наладили похожую на вторсырьевую и букинистическую, а дабы не очень рисковать, обставляли все кошерно — официальные закупки, путевые листы, акты, бухгалтерские проводки и т. д. У Алика начала подрастать дача в Дзинтари, а Марк откладывал валюту «на Израиль».

Мечта об Израиле заменила Марку все то, чего не случилось в его жизни: жену, детей, домашний уют. Он последними словами ругал себя за то, что десять лет назад не поднялся с волной семидесятых и не уехал. Софа, сестра, вместе с мужем и двумя племянниками жившие в Витебске, тогда перебрались в Хайфу. И его звали, даже в Ригу приезжали на семейный совет. Марк, тогда окрыленный мишурой первых фарцовых подвигов, только смеялся — мол,